

Виктория Ленц

Ведьма порешает!

2 СЕЗОН

Виктория Ленц

Ведьма порешает! 2 сезон

«Автор»

2026

Ленц В.

Ведьма порешает! 2 сезон / В. Ленц — «Автор», 2026

Василиса всё ещё живёт в густом лесу на своём арктическом гектаре. Всё ещё ведьма, настолько ужасная, что местная нечисть вежливо разбегается в стороны. От призрака бывшего мужа наконец-то избавилась, да и леших с болотниками буянить отучила. Вот только зря она пустила на порог своего французского русского Воронцова, теперь её скромное жилище ломится от новых постояльцев!- Сам Воронцов прихватил из Франции призрак прадеда;- Из-за которого они познакомились с мальчиком, который уже век ходит по Северной Двине;- Следом является и брат Воронцова, Андре, который его, может (?), и пытался убить; вместе с чьим-то дедом, который давно знаком с дядькой Савельичем;- И два одичавших домовых, один что-то бормочет, а второй уже украл мотыгу Василисы и бежит с ней наших бить! Северные боги, когда она наконец сможет спокойно заняться своими делами? Теперь Василисе предстоит разобраться с призрачным зоопарком, семейными разборками и выяснить, куда же, в конце концов, катится её мирная жизнь!

© Ленц В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод 1: Здесь тебе (не) Франция!	5
Эп	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктория Ленц

Ведьма порешает! 2 сезон

Эпизод 1: Здесь тебе (не) Франция!

Роман Воронцов задумчиво помешивал кофе, варя его в самодельной турке на горелке. Металл уже покрылся едва заметным налётом, но кофе из неё получался крепким, насыщенным, почти бодрящим. Запах потихоньку наполнял кухню, будто осторожно заглядывая в каждый угол.

Воронцов стоял босиком на деревянном полу, на котором валялись какие-то сухие травинки, Василиса иногда роняла, сама не замечая. Или они сами сыпались, ведь пучки сушились под потолком. Роман готовил часто, но только на горелке. Василиса говорила, можно и в печке, но Воронцов лез только на неё – спать. Готовить в печке Роман согласился бы только в экстренных случаях.

За его спиной, за стареньким столом, Василиса перебирала какие-то мешочки, шурша плотной тканью. То ли травы, то ли соль, то ли всё сразу. Её волосы были собраны на затылке небрежным пучком, но седая прядь снова выбилась и щекотала щеку. А ещё у неё лямка сарафана сползла с плеча.

— Этот не трогай, — пробормотала она, не оборачиваясь, когда Воронцов шагнул ближе. — Там зола с оленьих костей, я их заготовила ещё зимой.

— Ммм, аппетитненько, — хмыкнул Роман, разливая кофе по кружкам и решая *никогда* незнакомые мешочки не трогать. Даже из интереса. — У меня каша без костей. Придётся страдать. Скоро будет.

Воронцов пододвинул ей кружку, потом вернулся за горшком с вязкой, едва сладковатой кашей и поставил на стол две миски. Роман поглядывал в кашу с видом человека, которого пытались отравить, но с уважением к труду отравителя. То есть себя же. Сегодня он впервые готовил что-то в печке под присмотром Василисы и никаких надежд на завтрак не питал.

Роман залез ложкой в горшок. И просиял.

— Гордиться не будешь? – хмыкнула Василиса.

— Я горжусь просто тем, что она не пригорела, — ухмыльнулся он. — Если отравимся, то вместе.

Они ели молча, неторопливо. Окно было открыто нараспашку. На улице покрикивали чайки, кто-то в сарае чихнул, то ли Архипка пришёл, то ли ещё кого принесло. В углу потрескивала печка.

Роман потянулся за ещё одной ложкой.

— Слушай, а у меня теперь тоже она, ну, навсегда? – спросил Роман, теребя седую прядь ровно посреди лба.

Василиса кивнула.

— Который раз ты спрашиваешь? – беззлобно огрызнулась она.

Воронцов рассмеялся.

— Тебе кажется.

— И у меня тоже навсегда, — пробурчала Василиса. Так что готовься. Буду как старая бабка.

— Если с кашей и кофе, то пусть хоть седая.

— Сказал бы «красивая».

— Так это уже по умолчанию.

Она усмехнулась — коротко, почти беззвучно. И это была тишина, в которой не было никакой угрозы. Только утро, чай, зола с костей бедного оленя и сладковатая каша. И странное чувство, что именно так всё и должно быть.

Ещё месяц назад Роман бы никогда не поверил, что окажется в подобной ситуации. Или что будет абсолютно счастлив. Или уж тем более что это будут два связанных события.

— Ты был в мире мёртвых, а вернулся живым, — сказала Василиса. — Ты был там, куда уходят все, но никто не возвращается, а ты вернулся. Тебе не кажется, что немного седых волос — это малая плата?

Роман с готовностью закивал.

— То есть они вроде как умерли раньше времени, посидели то есть, потому что я живым выбрался оттуда?

Теперь уже Василиса коротко кивнула.

— Своеобразная плата.

— А тот, эм, мужчина? На мосту.

Воронцов спрашивал и раньше. Василиса два дня не отвечала, переводя тему.

— Бог, — на этот раз коротко ответила она. — Один из. Не забудь турку отмыть, на её разводах кофе уже гадать можно.

На том разговор снова сменил направление. И да, отмыть турку Воронцов клятвенно обещал.

Роман подумывал сказать что-то вроде «кажется, я в тебя влюбляюсь», но «кажется» сразу выпало из фразы — оно казалось неуместным. И даже «влюбился» звучало не совсем верно. Гораздо лучше бы просто «люблю»... Но это было бы неправдой. Пока. Он бы соврал.

Воронцов бросил на неё взгляд через край кружки: Василиса наклонялась над каким-то мешочком, завязывала его на тугой узел. Седая прядь снова соскользнула на лоб. Синяк. Повязка с примочкой из трав на виске.

Олега она отпустила лишь пару дней назад. Не в том смысле, что забыла. А в том, что перестала держать. Но имя Олег всё ещё маячило в памяти их обоих. И каждый раз, когда оно всплывало — случайно, мимоходом — Роман невольно кривился. Не из ревности, нет. Из-за чего-то другого. Олег его просто бесил.

В любом случае, Роман понимал, что сейчас совершенно не время лезть к Василисе со своими чувствами. К тому же...

Василиса говорила, что сил стало меньше. Что в тот момент, когда всё зависело от неё, — магия не откликнулась с полной мощностью. А должна была. В самой Василисе ничего не изменилось. Только он появился рядом. Он, Роман Воронцов, с мёртвым даром, который не просил и не искал, но ведь других переменных в их уравнении не было, верно?

Может, это он, ну, «что-то». Может, что-то нарушил своим появлением, своим присутствием. Воронцов в доме убирался и заборы чинил, мало ли, сколько черепушек лесной живности он потрогал, да и, оказывается, чуть не послал на три буквы бога. Который стоял и смотрел, как Василису чуть не убили.

В общем. Это надо было узнать. «Что» же он такое. Василиса говорила, не наследственным быть просто не может. Но такие вещи не обсуждали по телефону. Даже если Роман сможет вспомнить номер деда и позвонит ближе к городу, где ловил слабый сигнал. Даже если дедушка и ответит на такой странный звонок, ведь от своего номера Воронцов избавился ещё в прошлом месяце.

— Я съезжу во Францию, — сказал Роман, нарушая тишину.

Василиса подняла глаза.

— Ненадолго. Нужно... — он замялся, почесал затылок. — Просто понять.

Она долго смотрела на него. Потом кивнула. Без вопросов. Без попытки удержать.

И это только добавило веса решению. Он быстро вернётся. Будет рядом. И, может быть, чуть позже — без «кажется».

*** несколько дней спустя

Я сидела в приёмной областной больницы, окружённая гулом голосов, покашливаниями и запахом тряпки. От одной из уборщиц всё-таки пахло хлоркой, но ближе к нам суежилась вторая. Слева от меня кто-то чихнул, справа бабушка в вязаном полосатом кардигане громко жаловалась на давление.

Я старалась не слушать. Уткнулась взглядом в линолеум и сдерживала раздражение.

— Говорила же, в порядке всё со мной, — пробормотала я себе под нос, в который раз стараясь не закатывать глаза.

Но пошла всё равно. Потому что Воронцов этот, со своей «а вдруг, Василиса», настоял. И ладно бы сразу посмотрели, сделали бы снимок, сказали: «всё нормально, езжайте обратно в свой лес»...

Нет. Сначала «вроде бы всё в порядке, но давайте сделаем снимок». Потом: «нужно уточнить». Потом: «описание будет готово через два дня, приходите». А потом — сидишь тут, среди детей с температурой и уставших родителей, ворчащих бабушек и без капли терпения.

Я осталась в городе на пару дней. Сняла номер в гостинице, где пахло котлетами даже по ночам. Пила кофе из автомата, кормила чаек у реки. Заедала калиткой с морошкой. Иногда отбивала свою выпечку у тех же чаек. Иногда поглядывала на телефон, Воронцов писал. Что в Париж прилетел и теперь чапает до загородного дома своего деда. Неужели его никто не мог встретить?..

— Василиса... так, как вас там? Что это за буква... — позвали наконец.

Я резко встала, голова почти не кружилась. Сказала же — всё в порядке. Наверное. Я просто спешила, пока в моей фамилии ещё три ошибки не сделали. Почерк у меня был понятный, а вот у того врача в травмпункте, кому я досталась, явно не очень.

Получив на руки свой снимок и убедившись, что с моей головой действительно всё в порядке: ни трещин, ни ушибов, ни «внутреннего отёка» как пугали в приёмной, забыв уточнить, отёка чего и что это такое, — я села на лавку у выхода и задумалась.

Что теперь? На сколько уехал Воронцов, я не знала. Он не говорил точно. Только что ему нужно с дедом поговорить. Сказал скоро вернётся, значит, скоро вернётся. Вопрос скорее в том, стоило ли мне его в городе подождать, раз уж всё равно застряла.

Удивительно, конечно, что ему в нашей глуши понравилось. Кем он там работал? Управленцем? Что-то вроде некоего «ещё не» директора, если верить обрывочным его фразам, в компании, которую основал его дед. И вот теперь рыщет по лесам с мертвяками, рубит дрова, чинит оградку с оленьими черепами, гоняет леших за пьянство и ночует на печке, потому что... Вот почему, а? Скучно ему было?

Я вздохнула. Ну, может, человеку просто надоело работать головой. Планерки достали, кофе в горло не лез — а тут топорик и свежий воздух. И иногда живая компания. А может... он остался из-за меня?

Нет, пожалуй, пора домой. Сначала до автостанции. Из города выбраться проще, чем добраться в него. Водители обычно не спрашивают, зачем тебе в лес выйти, а вот из леса посреди нигде с обочины не все пассажиров подбирают. А может, там ещё и кикимор болотных встречу, нет, им точно пора завести телефон, на который можно было бы звонить. Раз у нас такое активное движение от моего дома до Архангельска устанавливается.

Я вздохнула, остановившись посреди улицы. Вроде бы уже всё — снимок на руках, больница позади, автобус хоть сейчас лови и уезжай в сторону дома. Но. Я здесь уже третий день. Этого более чем достаточно, чтобы меня заметили.

Савельич. Савельич в Архангельске знал каждый уголок. Да и я не была для него посторонней. Он знал меня с детства. Если бы вообще можно было сказать, что у моего отца были друзья, тогда был дядька Савельич. Хотя сам он, наверное, сказал бы, что «по старой памяти» за мной присматривает.

Наши отношения были... странные. Не сказать, что плохие. Но и тёплыми их не назовёшь. Как-то всё между строк. После той истории с документами всё натянулось. Мне было восемнадцать. Дядька Савельич тогда смотрел на меня долго, молча, будто ждал, что я ещё что-то скажу. А я не сказала больше ни слова. Он ведь знал, что отец жив. И я знала. Только он протягивал мне документы на гектар леса и дом вместе со свидетельством о смерти моего отца. И этого я тогда ему простить не могла.

Я снова вздохнула и закинула рюкзак повыше на плечо. Дел в городе у меня не осталось, но раз уж всё равно тут, лучше самой прийти. Я ведь, и правда, через пять лет к нему прибегала, как он и говорил. Обиделся, ага, конечно. Ворчал, но гектар и дом мне вернул.

Я свернула к Обводному каналу, по проспекту до Гагарина, двинулась в сторону моста, ведущего на Соломбалу.

– Здравствуйте, – кивнула я, проходя на ту сторону.

На мосту пахло солью и железом. Солнце так и не появилось. Серое небо молчало.

Роман долетел в Париж с пересадкой в Стамбуле, но без особых проблем. Полёт прошёл спокойно, даже удивительно спокойно. На борту все живые. В Стамбуле ни одной русалки, которая вот-вот растерзает живьем...

В аэропорту Шарль-де-Голль Воронцов первым делом обменял деньги по невозможному, абсолютно грабительскому курсу. Он даже не спорил, просто пожал плечами и сунул в карман старенькие евро. Почему-то в аэропортах обязательно меняли именно на потёртые купюры. Но делать было нечего: у Романа не было ни банковской карты, ни местной симки. Только рублевая наличка, которую он в своё время снял со всех счетов, когда решил... уйти. Временно «пропасть». Он сам от всего отказался. Сам избавился от карт, аннулировал аккаунты, отключил номера.

Но теперь в Париже, в этой влажной от утреннего тумана столице, это решение казалось странно глупым. Или глупым было вернуться? Воронцов чувствовал себя как герой какого-то фильма о беглеце — без бумаг, без связи, только с паспортом, наличными и мыслью, которая не уходила из головы: Андре. Брат не шёл у него из головы, стоило выйти из самолета и услышать французскую речь. Мелодичная, мягкая, привычная до боли... внезапно неродная. Но Роман сразу вспомнил голос брата. Прадедущка говорил и так, и так, но вот дед в порыве необъяснимой страсти и тоски по родине в одном году решил, что будет говорить только по-русски. Вернее...

– В тот день, когда отец погиб, – пробормотал Роман себе под нос.

Его дед любил и сына, и женщину, на которой тот женился. В тот день Роман и Андре лишились обоих родителей. Роман до сих пор до конца не знал, дед не рассказывал – «почему». Только после того дня Владимир Георгиевич обращался к внукам исключительно по-русски. Они иногда с Андре ругались: дед отчитывал его по-русски, Андре воротил нос и отвечал по-французски.

Воронцов покачал головой, отгоняя старые воспоминания, и за это получил удивлённый взгляд от таксиста, который как раз только остановился перед ним, выруливая на стоянке.

— Да какой он Андре... Андрей он, — пробурчал Роман по-русски, спешно называя адрес вокзала уже по-французски.

Это домовый Архипка так говорил, с уверенностью деревенского пророка: мол, плохое имя — Андрей. Новый хозяин дома, где Архипка столько лет жил, тоже был Андреем. Именно он скупил все четыре квартиры в доме, продал их строительной компании, а дом потом под снос отправили. Архипка был уверен: от Андреев одни неприятности.

И Роман вспоминал, как прадед их всегда называл младшего — Андреем. А тот потом стал Андре с ударением на последний слог, с этим вытянутым грассирующим «р». Роману было всё равно. Теперь — вдруг — хотелось обозвать брата именно Андреем, от которых одни неприятности.

Роман сейчас пытался вспомнить, когда последний раз видел брата. И понял, что не может, всё расплывалось, будто это было не с ним. Они давно не разговаривали. И даже сейчас, сидя в такси, он не боялся этой встречи — он просто не хотел её. Не ждал. Не надеялся. И, пожалуй, не нуждался. Он знал, зачем приехал. Он приехал поговорить с дедом. Андре? Роману плевать, почему брат решил от него избавиться. Он знал правду. Он знал, что это брат подстроил его аварию на байдарках.

Париж за окном размывался в сером свете утреннего солнца, дома были низкие, ветхие, в каких-то кварталах пахло бензином. Его не было месяц. Всё было до боли знакомым. И всё же чужим.

Роман закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Ему хотелось смеяться: глухо, потёряно. Потому что здесь он прожил больше тридцати лет, но «домом» за какой-то жалкий месяц стал лес, полный нечисти, и дом Василисы.

Роман вышел из такси, кивнул водителю, запоздало поблагодарив, и шагнул на влажный асфальт вокзальной площади. Было прохладно. Пыльца летала в воздухе, солнце пробивалось сквозь лёгкие облака, и всё казалось не по-настоящему — как будто Париж нарочно был выплывшим, вымытой копией себя.

Воронцов нашёл указатели на пригородные поезда, сверился с табло, отыскал нужную платформу. Он дождался состава, зашёл в почти пустой вагон, сел к окну и замер, уставившись в проплывающее отражение.

Поезд ехал недолго. Станция, на которую он вышел, была почти безлюдна: только лавка с кофе и старая реклама на стене. Дальше нужно было добираться на машине, но Роман не стал ловить попутку. Он решил идти пешком. Такси быстрее, конечно. Но после месяца, проведённого в лесу, он и правда мог идти дольше. И хотел идти. Он нуждался в этом, чтобы привести в порядок мысли. Что он скажет деду, когда его увидит. Ведь Роман «пропал» месяц назад, не звонил, не писал, а теперь вдруг объявился. Что он скажет Андре, когда его увидит. Ведь Роман — по злему умыслу Андре — пропал месяц назад, не звонил, не писал, а теперь вдруг объявился...

Воронцов вздохнул. Раньше стоило об этом думать, ему ведь всегда везло? Роман плыл по течению, сколько себя помнил. Ему везло. Просто везло и точка.

Асфальтированная дорога петляла между цветущих полей, сквозь приглушённые запахи трав и прогретой пыльной земли. Здесь не было ни корней, ни болот, ни заваленных троп. Ни животных, ни людей, ни тем более нечисти живой или мёртвой. Только прямая обочина, с обрывом в сторону канавы и живыми изгородями на горизонте. Роман шёл размеренно, правый ботинок чуть натирал ногу, но он не жаловался. Дышалось тяжелее, чем он помнил.

Он вспоминал лицо деда. Он не хотел думать про брата. Он давно забыл лица родителей... только фотографии показывали, а не напоминали, как они выглядели.

Загородный дом деда стоял на невысоком холме.

— Что ж, — выдохнул Воронцов, нажимая звонок на оградке.

Владимир Георгиевич Воронцов никогда не был так доволен собой за то, что не бросил утренние пробежки. Даже когда ему перевалило за восемьдесят. Его отец служил на флоте Российской империи и сына воспитал спортивным и в отличной форме. Помнится, Владимир Георгиевич пытался на Вторую мировую сбежать, когда Францию оккупировали, но, понятное дело, ребёнка никуда не пустили. Ему тогда едва семь исполнилось.

В любом случае. Владимир Георгиевич всю жизнь был в отличной физической форме, так что свои гордые девяносто лет встречал тоже в движении. Но никогда Воронцов не гордился своим решением так, как сегодня.

Сегодня, к слову, утро было особенно удачным. После недель пасмурной хмари небо наконец расчищалось, солнце только выходило, но уже мягко подсвечивало капли росы на траве.

Владимир Георгиевич бежал лёгким, выверенным шагом, дышал ровно. Воздух пах лавандой, сырой землёй и тонким оттенком дыма. Владимир Георгиевич курил, как он любил шутить, шах и мат ЗОЖ-никам, или как они себя называли. Его внук Андре знал такие слова, Владимиру Георгиевичу не было до никаких «ЗОЖ-ников» никакого дела, пока младший внук не попытался уговорить его бросить курить.

– Мой дед курил, мой отец курил, и я всю жизнь курил. Если не курить всякую дрянь, – вспоминая, пробурчал Владимир Георгиевич себе под нос, не замедляя шага, – то и в сто лет курить буду.

Воронцов свернул на узкую тропу, ведущую вдоль забора, и уже думал, как бы не забыть подрезать яблони у крыльца, когда заметил у калитки знакомую спину.

Он сбавил шаг. Потом вовсе остановился.

Р-роман?! Не просто кто-то, не прохожий, не сосед, не призрак и не ошибка. Рома?! Его пропавший без вести старший внук в грязной куртке, с таким же грязным рюкзаком за плечами, чуть сутулый. Спокойный. Просто стоял. У калитки.

Владимир Георгиевич выдохнул резко — и понял, что чудом не получил сердечный приступ. Вероятно, потому, что бегать по утрам не бросил. Чем очень гордился.

Владимир Георгиевич не сразу почувствовал, как быстро колотится сердце. Дал себе несколько секунд. Потом, не подавая голоса, медленно подошёл ближе. Потому что внук исчез. Потому что пропал. Потому что целый месяц никаких вестей. И теперь он стоит здесь, у калитки, будто всё в порядке. Будто это нормально.

Владимир Георгиевич прищурился. Он ничего не сказал — ещё нет. Хотелось просто стоять и смотреть. Убедиться. Убедиться, что это не сон.

Но вдруг Роман обернулся.

— Дедушка! — с радостью воскликнул Роман, наконец оборачиваясь.

— Роман?! Что с тобой случилось?! — тут же возмутился Владимир Георгиевич, стремительно подойдя ближе. — Ты где был?! Почему на звонки не отвечал?! Ты вообще понимаешь, что...

— Я ненадолго, — отмахнулся Роман, на удивление спокойно, будто они встретились не после исчезновения на месяц, а после обычной командировки на пару дней.

— Это ещё что такое?! — дед, нахмурившись, дотронулся до седой пряди ровно посреди лба Романа. — Что ты с собой сделал? Ты... ты болен? Я начал сидеть только после семидесяти, да мой отец...

— Я обратно в Россию вернусь.

— Мы волновались! – Не унимался Владимир Георгиевич, будто и не слышал. – Российские коллеги сказали... да они сказали! Или... Что происходит, Роман?!

— Я люблю её! — выпалил Роман, вдруг резко и слишком громко, будто и сам не ожидал, что скажет это вслух.

— Кого?! — ошарашено переспросил Владимир Георгиевич. — Какую Россию?!

— Да не Россию, дедушка, — пояснил Роман. — Василису.

Владимир Георгиевич резко замолчал. Он смотрел на внука долго, внимательно, будто пытался уловить хоть тень шутки или сарказма. Но в Романе ничего не дрогнуло.

— Но она в России живёт, — добавил Роман, уже тише. — И никуда не поедет.

Владимир Георгиевич продолжал молчать, но в его лице что-то изменилось. Не осуждение, не недовольство. Скорее... понимание. «Василиса» — это многое объясняло. Владимир Георгиевич медленно выдохнул. Роман не будет первым поколением Воронцовых, натворившим всякую пургу из-за женщины.

Владимир Георгиевич коротко кашлянул.

— Так с тобой весь месяц всё было в порядке? — уточнил он, прищурившись.

— Почти, — отмахнулся Роман с тем лёгким равнодушием, каким люди говорят про царапины после автокатастроф. — В целом да. Я немного промок, немного поплавал, немного построил дом, немного напугал людей... и не только живых...

Он заставил себя замолчать, всё-таки про полчища мертвецов стоило умолчать. На секунду в воздухе повисло молчание, в котором Владимир Георгиевич только сильнее напрягся, готовясь к худшему.

Роман, чувствуя это, торопливо засунул руку в карман, вытащил телефон, потеряв экран, и протянул его деду.

— Вот. Это Василиса.

Владимир Георгиевич поднёс телефон ближе к глазам, присмотрелся и застыл.

На экране действительно была Василиса. Молодая женщина с хмурым, чуть упрямым взглядом, в длинном сарафане. Рядом с ней стоял грязный и немного помятый внук Владимира Георгиевича. Но Роман так довольно улыбался, что его дед не стал задумываться, почему он так выглядит.

Но сбоку стояла Анфиса и улыбалась во все три ряда острых зубов. В кадре также присутствовали два леших, кривоногих и мшистых, которые выглядели так, будто случайно забрели в чужую вечеринку. За ними возвышался огромный бурый медведь с венком на голове и корзинкой в лапах. В корзинке были грибы.

Роман как-то поздно вспомнил, сколько всего лишнего было на единственной фотографии Василисы, которая у него была.

Владимир Георгиевич невольно усмехнулся.

— Вот она, значит, Василиса, — пробормотал он.

Он заметил только её?... Роман внимательно следил за взглядом деда, тот мазнул по всем, задержался на Василисе и заметил... И... медведя. Да, медведя он заметил.

— Он у них ручной, что ли? — на удивление мягко спросил он, подмигнув зверю, как ребёнок.

Роман, у которого уже наспех было приготовлено с десяток объяснений, на секунду застыл, потом выдохнул.

— Можно и так сказать.

— Какой умный взгляд, — кивнул Владимир Георгиевич и похлопал внука по плечу. — Не у всех людей такой есть.

Остальных: Анфису с зубами, двух леших, случайно попавшую в кадр хвостатую тень, — Владимир Георгиевич словно не заметил вовсе. Как будто глаз сам выбрал, на чём остано-

виться. Или... не захотел видеть остального. Неужели как раз то, про что говорила Василиса?.. Не хотят видеть и не видят. Роману стало немного грустно.

— Помню меня папа в цирк водил, когда я был совсем маленький... — пробормотал Владимир Георгиевич, кажется, забываясь. — Только не было у них медведя, в России в цирке были, прадед твой, Георгий Фёдорович, мне всё рассказывал... — Он вздохнул. — А я живого медведя в цирке так и не увидел...

Владимир Георгиевич похлопал Романа по плечу. Тот чуть улыбнулся. Может, дед и не «не хотел увидеть». Он будто слишком увлёкся именно медведем, чтобы заметить другие детали. Что ж, Воронцов поспешил телефон убрать, пока дедушка не заметил нечисть.

— Красивая. Суровая, — задумчиво сказал Владимир Георгиевич, вспоминая про Василису. — Что ж она с тобой делает, Роман?

— Не знаю, — честно ответил тот, — но я не против.

Владимир Георгиевич усмехнулся, покачал головой и только буркнул:

— Потом расскажешь. Пошли в дом.

После плотного завтрака – обеда, Роман устроился в своей старой комнате на втором этаже, самой дальней — той, что в конце коридора с узким окном, выходящим на сад. Он помнил её до мелочей: стеллаж у стены, шкаф, ковер с вытертым узором, обои с едва заметными цветочными завитками. Даже ручка на двери всё так же слегка заедала, когда дверь закрываешь тихо. Всё вроде бы оставалось прежним. Он был здесь месяц назад. Он прожил здесь почти всю жизнь, не считая поездок и командировок.

И всё же — нет. Что-то изменилось. Роман лёг на спину, на ту же самую кровать с жёстким матрасом, и уставился в потолок. Белая штукатурка, вычурная люстра будто из прошлого столетия — сейчас они словно смотрели на него иначе. Роман лежал, и чувствовал: он сам стал другим. И в этой комнате, когда-то такой родной, вдруг чувствовалось неуютное, едва уловимое ощущение чуждости. Как будто он вернулся не домой, а в музей детства, где всё сохранено — но уже не принадлежит ему.

Воронцов вдохнул глубоко, медленно выдохнул. Ладонью провёл по покрывалу. Оно было грубым, шероховатым и пахло мылом и лавандой. Немного отпустило. Слишком знакомое.

Дед сказал, что Андре дома не было. Уже неделю. Уехал куда-то, не оставив точного адреса — как часто бывало в последние полгода. Надо же, Роман тогда внимания не обратил, его младший брат часто «сбегал» из тихой провинции в Париж. Но чтобы так?.. Впрочем, Воронцов уже и не думал, что «на самом деле» знал своего брата.

— Не после всей истории с байдаркой, — пробормотал он себе под нос.

Отсутствие Анде, по-своему, облегчало ситуацию. Роман не знал, как бы отреагировал, если бы увидел брата сразу. Не знал, хочет ли вообще видеть. Андре не будет его искать, может быть. Андре никогда его не найдёт: это точно. Роман оставит деду открытку с надписью «Архангельск» вместо адреса и будет надеется, что тот быстро не заметит.

Воронцов поговорил с дедом обо всём, но не упомянул, зачем именно приехал. Их странный дар. Ведьмы в семье?.. Воронцов не знал, откуда заводить такой разговор. Сейчас Роман хотел только тишины. Немного подумать. Собраться. И, может быть, чуть-чуть поспать.

Он и не заметил. Устал так сильно, что просто провалился в сон.

Когда Роман проснулся, в комнате царила тишина, и только слабый свет из окна окрашивал потолок в серо-лиловые оттенки. Он резко сел, выдохнул и сразу посмотрел на часы. Было около половины девятого вечера.

Воронцов растерянно моргнул. Он успел привыкнуть, что если за окном темно, значит уже ночь глубокой тайги — ближе к полуночи. Но нет, теперь он снова был в средней полосе, и просто забыл, как тут быстро и рано наступает вечер. Всего-то девять — а небо уже затягивалось бархатной синевой.

Он медленно поднялся, по пути встряхивая руки, будто разгоняя из них остатки сна. Дверь тихо отворилась, как и раньше, но теперь громче, будто дом заметил, что кто-то снова тут живёт.

Коридор встречал тишиной и полумраком. Узкий, вытянутый, он тянулся вдоль всего второго этажа. Свет не горел: дед, по старой привычке, не тратил электричество зря. Единственным источником освещения было окно позади Романа — то самое с отблеском уходящего заката. Его силуэт отбрасывал длинную тень вперёд, будто кого-то ещё, шагавшего рядом.

Роман замер на секунду. Потом двинулся дальше, босыми ногами нащупывая прохладные доски пола. Воронцов шёл по коридору медленно, всё ещё просыпаясь окончательно, когда его взгляд зацепился за что-то странное. Сперва он просто удивился. Этого портрета он не помнил.

Воронцов прищурился. Портретов в доме было немало, но все они висели в столовой или в кабинете. Его прадед, его жена, которую Роман никогда не встречал. Его дед, бабушка, которую он не успел запомнить, потому что она умерла до его первого дня рождения. Отец и мать. Их Роман помнил. Они тоже погибли. Андре. Сам Роман...

Воронцов знал каждый портрет в доме. Портретов прадеда было два: совсем молодого, ну, относительно, в 1940-е ему как раз исполнилось сорок лет. И второй в преклонные девяносто, буквально полвека спустя. Ещё у деда был маленький портрет в медальоне, там Георгий Фёдорович ещё в царском парадном кителе. Кому принадлежал медальон? Роман не знал, впрочем, не знал и его дед, Владимир Георгиевич. Разве что... Он точно никогда не принадлежал прабабушке.

Так вот. На новом портрете прадеду было, наверное, те же лет девяносто. Может, больше. По нему всегда сложно было судить из-за отличной физической формы и такой живой мимики. Дед Романа был таким же. Наверное, отец бы тоже... Воронцов покачал головой, но его отец погиб, этого факта ничто не изменит.

Прадед на фото тоже всегда получался живой. И этот портрет был живой. Настолько живой, что Роману стало не по себе. Он посмотрел вниз... стоп. Портрет висел *где?! —* С противоположной стороны лестничного пролёта, там, где стены и вовсе не было. Роман наклонился чуть ближе, чтобы взглянуть, и в этот момент «портрет» вздрогнул, резко повернув голову и моргнув.

— А-а-а-а! — заорал Роман, отскакивая назад, врезаясь спиной в стену.

— А-а-а! — одновременно заорал «портрет».

В следующую секунду к лестнице с грохотом выбежал Владимир Георгиевич, в пижаме и с фонариком в руке.

— Что случилось?! — воскликнул он, озираясь.

Роман, сбитый с толку и запыхавшийся, метнулся глазами между ним и... прадедом. Точнее, тем, кого он только что видел. Он всё ещё был там. Не портрет, не галлюцинация — он. В воздухе, на высоте лестничного пролёта, словно стоя на невидимой платформе, завис мужчина с пронизательным взглядом и аккуратной седой бородкой. Лицо было живым. Не просто реалистичным, а настоящим. Он смотрел на Романа. Удивлённо. Будто сам не верил.

Роман моргнул. Потом снова. Нет, не исчез. Призрак не исчез. Более того — он теперь наклонил голову чуть вбок, как будто оценивая нечто крайне любопытное. Это точно был его прадед. Призрак не был «просто похож», мимика, черты лица — он был одинаковым.

— Я это... споткнулся и чуть с лестницы не упал, — пробормотал Роман, отводя глаза.

— Осторожнее, — строго сказал его дед и, не дождавшись дополнительных объяснений, махнул рукой и пошёл обратно в сторону своей спальни. — В этом доме не для того кости берегли, чтобы ты их на ровном месте ломал.

Роман, затаив дыхание, проводил его взглядом, а затем снова посмотрел на лестничный пролёт. Призрак всё ещё был там.

И теперь он смотрел не на Романа, а вслед — на Владимира Георгиевича, пока тот удалялся по коридору. Лице его было всё ещё спокойным, но взгляд стал грустным.

Роман остолбенел. Он вдруг понял: прадед видит и его, и деда. А дед — своего отца нет. То есть призрак реальный. Он действительно здесь. А ещё Роман зря приехал поговорить с дедом, потому что «всё это» деда явно не касалось. Призрак был, его видел Роман. И только он.

Кстати, всякая призрачная девочка Лариса, бывшая хозяйка щенка Борьки, воспринималась куда проще собственного прадеда. Была в том некая ирония. Ларису Роман увидел и принял со спокойствием «значит, так надо», а вот прадеда... Его наличие перед собой осознать было сложнее.

Роман вытер вспотевший лоб рукавом и, отступив от лестницы, пробормотал:

— Здравствуй... деда.

Призрак тихо хмыкнул. «Деда» Роман так звал его, когда был совсем маленький. «Дедушка» и «деда», потому что слово «прадедушка» ему никак не давалось.

Я стояла у калитки Савельича, сжав пальцы на перекладине, но войти не решалась. Калитка скрипнула под моей ладонью, но я не открыла её до конца. Самого хозяина деревянного дома видно не было, впрочем, как и его мертвой дочери во дворе. Всё выглядело тихим, обычным — будто просто никто не дома, но это место никогда не было обычным. И Савельич не из тех, кто куда-то отлучается. Он всегда здесь. Потому что он — всегда — знает, если к нему кто-то идёт.

Я снова посмотрела вглубь двора. Поленица, покосившийся колодец, густая тень от старой черёмухи. Всё на своих местах, как и должно быть в доме, где время давно перестало идти. Этот дом выглядел так и десять лет назад, и двадцать, и, наверное, намного больше, только я уже не могла помнить.

Я поёжилась. Дядька Савельич плохо реагировал, когда я приближалась к его дочери. Тогда я не подошла, просто сделала шаг в её сторону. Я никогда не слышала, чтобы Савельич кричал. Он видел обе войны и сотню лет до того. Дядька Савельич никогда не кричал, он видел слишком многое, чтобы терять самообладание.

Но.

Пожалуй, я была единственной здесь, кто мог бы его дочь... *отпустить*. Хотя. Может, ещё Воронцов. Я до сих пор не могла поверить, что у него похожий мёртвый дар. Он спустился в Навь и вернулся. Он мог быть слабее меня, но не сильно слабее.

— Нужно Воронцову рассказать, когда вернётся, — сделала я мысленную пометку, отворачиваясь от калитки.

Ветер донёс запах черёмухи и чуть дрогнул дверной проём. Мне показалось — или нет? — что где-то глубже во дворе зашелестела трава.

Так вот, о Катерине. Она была из тех душ, которые остались здесь не по своей воле, а из-за внешних обстоятельств. В тот раз я не стала вдаваться в подробности, мне и так нужно

было слишком многое объяснить Воронцову, а он, хоть и быстро схватывал, но всё-таки. Но теперь стоит рассказать. Как он вернётся.

Среди оставшихся душ самые слабые — те, кого человек не заметит вовсе. Ну, почти. Кто-то из них может вызвать лёгкий шорох, скрип ступеней или распахнуть дверцу шкафа без ветра, но всё это легко списывается на сквозняки или старость дома. Такие души незаметны, если ты не знаешь, что ищешь. Если не умеешь видеть. Грубо говоря, если ты не нечисть, увидеть их тебе не светит.

Чем старше душа, тем она, как правило, сильнее. Некоторые изначально сильные, но это нужно застрять в древнем, *изначально* сильном месте. Так вот. Долго оставаясь в этом мире, они накапливают энергию. Поэтому кто-нибудь «оставшийся» с десятого века уже может стать настолько сильным, что его увидит даже скептик. Человеку покажется, что тень мелькнула в зеркале или на лестнице, и он не вспомнит, что это был кто-то, но внутри у него останется тревожное ощущение.

А вот Катерина... Катерина была молодой. Слабой. И, пожалуй, даже готовой уйти. Если бы не одно «но». Савельич.

Катерина была его дочерью. И это он запечатал её здесь. Отказался отпускать, когда она умерла. Она вытаскивала людей из горевшего дома, не должна была, просто не смогла пройти мимо. Кажется, там внутри плакал ребёнок. Я не знала этой истории до конца. В общем, её достали оттуда ещё живой. Она умерла в доме Савельича, но заметили её во дворе лишь через пару лет.

С трёхсотлетней нечистью шутики плохи. Особенно если это дядька Савельич, он тогда в горькоме значился, мог «убрать» даже человеческими методами. Что там, один донос и всё... Ему поверят. Дядьке Савельичу люди верили буквально на слово. Все свои знали. Никто ничего не сказал. Потому что он не отдаст, а мы, нечисть, выживали только если с детства научились чувству самосохранения.

Я постояла еще немного, упрямо не сводя глаз с крыльца, уже почти готова была развернуться и уйти. Зря я сюда пришла. Савельич точно знал, что я здесь, и если не открывал, то... Но в ту же секунду, как только я сделала полшага назад, услышала:

— Василиса, — негромко, но отчетливо.

Дядька Савельич стоял на крыльце. Мы оба молчали, и в этой тишине между нами всё уже было сказано: он знал, что я знала, что он знал. Вот такая задачка.

Он не спросил, зачем я пришла — просто кивнул коротко, мол, заходи. Прошёл внутрь, и я, немного помедлив, открыла калитку, осторожно задвинув её за собой. Под ногами поскрипывали доски.

Савельич наливал чай в молчании, не глядя на меня. Самовар у него всё тот же. Впрочем, почему он должен был обзавестись другим?.. Но в доме — буквально — будто ни одной детали не изменилось. Словно я была внутри не сейчас, а пять лет назад.

Только когда поставил чашку передо мной, взгляд всё-таки поднял — прямой, изучающий, тяжёлый.

— Ну-ка, садись, коли пришла.

Я села, и какое-то время мы просто сидели так, в тишине. И это было по-своему правильно. Я не знала, зачем пришла. Отметиться? Извиниться за скандал, который устроила в нашу последнюю встречу? Так я извинилась уже. Просто показаться на глаза, раз уж была в городе и он точно меня заметил? Кажется, последнее.

А может, надеялась, что дядька Савельич расскажет мне что-то про Воронцова, что не рассказал ему самому.

Я молчала, делая маленькие глотки из горячей чашки, а он сидел напротив, глядя не на меня, а будто сквозь. И вот вдруг:

— Василиса, — позвал он неожиданно.

Я вскинула на него взгляд.

— Ты не замечала последнее время, что тебе вдруг не везёт?

Я медленно покачала головой. Савельич прищурился.

— А что везёт намного меньше, чем обычно?

Я снова покачала головой. Не замечала. Напротив, будто бы наоборот. С тех пор как появился Воронцов, всё будто начало складываться «само».

Дядька Савельич хмыкнул.

— Значит, совпадали ваши интересы, — сказал он. — Ты попала в его течение.

Он замолчал, выжидая. Потом посмотрел на меня в упор.

— Но что-то ты всё же замечала.

Это был не вопрос. Констатация. И мне не хотелось отвечать. Но я всё-таки тихо выдохнула, почти не открывая рта:

— Мне сил не хватило. Я не слабее, почти нет. Но... будто не хватило какой-то крупницы моего дара. Той самой, на которую я всегда могла положиться. В самый нужный момент. От Олега мы всё равно избавились, но мне «повезло», что Воронцов вмешался.

Мне не нравилось, как Савельич на меня смотрел. Слишком внимательно. Слишком... мрачно понимая. А потом он произнёс:

— Мальчишка — второй Пожиратель, которого я встречаю в жизни.

Я подняла голову.

— Кто?

— Воронцов, — повторил он, будто то было вдруг ответом сам по себе.

— Да нет! — я резко вскочила на ноги, чашка дрогнула на столе, чай хлопнул через край. — Кто он? Как вы его называли?

— Он Пожиратель, — хмыкнул Савельич. — Очень редкий дар, потому что начинается он с великой жертвы. Хотя и даром-то назвать его... спорно.

Я села обратно, медленно, чувствуя, как спина касается жёсткой деревянной спинки стула. В голове звенело. Савельич продолжал:

— Пожиратель. У него самого дара нет. Ни капли. Пустой, как колодец, из которого вычерпали воду. Но этот колодец наполняется... за счёт других. Он «одалживает» любой дар у тех, кто рядом. Не крадёт в лоб, нет. Просто... тянет, как сухая губка. И чем больше рядом с ним нечисти, тем сильнее становится он сам.

Савельич говорил не торопясь.

— Пожирателя не увидишь среди людей, сами по себе они ничтожны. Но они одалживают, о, если он окажется в окружении разной нечисти всех мастей! Пожиратель получит сразу множество даров других. И чем больше разных сил вокруг, тем больше крошек он может взять. Он не получает полную силу, нет. Только долю. Четверть, скажем. Но и тот, у кого он «одолжил», эту самую четверть не досчитается.

Я чуть приподняла брови.

— Разве что он берёт одну четверть, — продолжал Савельич, — но из этой четверти делает три. Он всё равно будет слабее того, у кого взял силу изначально... но и тот, у кого взяли, уже не прежний. У него тоже три четверти дара.

У меня по спине побежали мурашки.

— Так что, — добавил Савельич, допивая чай, — паршивый дар. Сам берёшь, а у других отнимаешь. Своего ничего. Мальчишке везёт во всём, только потому что окружающим начинает везти меньше, чем должно было. Вот и всё его везение.

Савельич говорил беззлобно, он не осуждал, а просто излагал факты. Я слушала и чувствовала, как внутри холодеет.

— Ах да, знаешь, почему их так мало? — Савельич отставил кружку и посмотрел на меня. — Как сейчас бы сказали, у дара есть срок годности. Кончается. Тот первый Пожиратель,

которого я встречал... он только и сказал, что одолженное кончилось. Неделя, две, не знаю — и всё. Всё, что набрал, рассыпается, исчезает, — он развёл руками. — Он сам закончил паршиво. Потому что ему не хватило.

Я шумно выдохнула.

— И да, — продолжил Савельич, — он «жрёт» не только хорошее. Он не разбирает, что в него льётся. Просто мальчишке... везёт. Хорошего вокруг него много. Пожиратели забирают с окружающих и проклятье, и сглазы, и невезения. Они неосознанно втягивают и это. Усиливают. Жрут без разбора, а потом... ты догадываешься, Василиса.

Дядька Савельич не улыбался. И мне совсем не хотелось пить чай дальше, так что я залпом прикончила кружку.

— И как ими становятся? — спросила я.

Я не могла поверить, что с таким редким и уродливым даром можно просто родиться. Нет, это было бы слишком просто. Мёртвых ведьм, как я, немного, но про нас знали. Мы встречались. А про Пожирателей — тишина. Значит, их действительно ничтожно мало. Значит, становились ими не просто так. Я смотрела на Савельича, и он, не глядя на меня, сказал почти буднично:

— Нужно собственными руками убить ведьму, которую любишь больше жизни.

Я подавилась воздухом.

— Что? — прохрипела я, вскакивая с места, опрокидывая пустую кружку.

Савельич всё так же не поднимал взгляда.

— Любимую. Ту, ради которой ты бы сжёг весь мир. Ради жизни которой убил бы себя. Убить её не чужими руками, не случайно, а сам. Сознательно. Если ведьма сильная, тогда оно как родовое проклятье передаётся и потомкам по крови. Как отпечаток. Чем сильнее ведьма, тем больше поколений. Поэтому, смотри, Василиса, Пожиратели ко всему прочему вырождаются. Они воруют чужую удачу, они забирают чужие силы, они притягивают чужие проклятия, и будто этого было мало... на одном поколении этот «подарок» просто заканчивается.

Я не знала, что сказать. Не знала, как дышать.

— Вы уверены? — пробормотала я.

Савельич посмотрел на меня. В его взгляде не было гнева, не было и жалости.

— Мне не первая сотня лет, чтобы ошибаться в таких вещах. Диковинную ты зверушку подобрала в лесу.

Я вздохнула.

— Это не я, кикиморы болотные его привезли...

Дядька Савельич глухо рассмеялся.

Владимир Георгиевич Воронцов посмел открыть медальон своего отца совсем недавно: ровно пять дней назад. С давно потемневшей фотографии смотрел ещё молодой Георгий Фёдорович в парадной форме царской России. А на обратной стороне фото витиеватым почерком значилось простое: «J».

Эп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.